

В 1893 г. Международным статистическим институтом была предложена классификационная схема, устанавливающая для активного профессионального населения 8 главных групп, каждая из которых могла иметь более или менее детальные подгруппы, выделение которых оставлялось на усмотрение каждой из стран. Также международное статистическое сообщество рекомендовало прилагать к публикуемым данным о профессиях особый словарь и указатель с соответствующими ссылками.

В России за отсутствием регулярных переписей основным источником статистической информации являлись земские обследования. В программах и трудах земской статистики отдел о промыслах занимал за немногими исключениями довольно скромное место, он имел, скорее, служебное значение при данных о крестьянском земельном хозяйстве, но при этом вопрос о промысле включался во все программы земской статистики и отличался только степенью проработанности. В конце XIX в. Министерством торговли и промышленности России была принята предметно-отраслевая схема, которая использовалась официальной статистикой.

Но впервые данные о профессиональном и социальном составе населения всей России были предоставлены проведенной в 1897 г. Всероссийской переписью населения. Несмотря на обрушившийся шквал критики, касающийся как метода сбора и регистрации данных (Б.П. Кадомцев), так и способа *обработки и публикации результатов* (Г.Г. Швиггау), *Всеобщая перепись 1897 г. является практически единственным источником, отражающим статистические данные о профессиях и занятиях всего населения Российской империи. Данные официальной статистики по профессиям и занятиям населения были опубликованы в издании «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года».*

Несмотря на то, что в европейских государствах всеобщие переписи проводились к тому времени уже неоднократно, а специалистами статистической науки были выработаны некоторые общие принципы классификации занятий и профессий населения, наиболее удобных для подобных исследований, при разработке российской переписи 1897 г. это не было учтено. Предложенная официальная версия группировки профессий и занятий подвергалась критике как со стороны самих разработчиков, так и со стороны более поздних исследователей. Например, Б.П. Кадомцев, анализируя профессиональный состав населения 50 губерний Европейской России, начал с того, что провел соответствие 65 групп профессий российской переписи с 6 основными профессиональными классами германской профессиональной переписи 1895 г., которую автор считал наиболее удачной для проведения сравнительных исследований.

Перепись 1897 г., копируя в определенной части программу германской профессионально-промышленной переписи 1895 г., строила свою классификационную систему на промышленной связи занятий. Анализ схемы занятий в переписи 1897 г. привел некоторых ученых к мысли, что в основных своих чертах эта схема аналогична схеме производства. Так, например, перепись довольно часто показывала принадлежность работников к отрасли экономики, не выделяя их занятие в рамках этой отрасли. Сбор подобной информации проводился, но ее обработка была признана нецелесообразной, только данные о рабочих и прислуге были частично обработаны отдельно. Поэтому, например, графа «Обработка хлопка и фабричное производство изделий из него» объединяет вместе ткача, слесаря, сторожа, конторщика и директора на ткацкой фабрике.

Несмотря на значительные критические замечания по сбору и обработке данных, Первая всероссийская перепись 1897 г. предоставляет сведения об основном и побочном занятии населения по всей Российской империи. Структурированные определенным образом сведения о профессиях и занятиях населения России, полученные в результате переписи 1897 г., являются во многом уникальными для исторических профессиональных исследований.

А.С. Щетинина

Алтайский государственный университет (Барнаул)

УЧЕТ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исследование поддержано РГНФ, грант №08-01-00334а

Одним из следствий Первой мировой войны стал наплыв большого числа беженцев и пленных в тыловые губернии, одной из которых была Томская губ. С их появлением губерния столкнулась с множеством социальных проблем, в том числе и с проблемой трудоустройства как той, так и другой категории. Для решения этой проблемы, местным учреждениям необходимы были сведения о том, какими профессиональными навыками обладают эти люди, к какой работе пригодны, и в каких работниках нуждается регион.

Что касается последнего, то с одной стороны, в Томской губ. ощущался дефицит в рабочей силе в связи с мобилизацией населения на фронт. С другой, большое количество пленных и беженцев оставались безработными даже в условиях принудительного привлечения к труду. Одной из причин такого положения дел было неэффективное распределение имеющихся трудовых ресурсов, которое в свою очередь было следствием отсутствия системы их учета либо несоблюдения его правил.

Проблему учета профессионального состава и занятости беженцев попытался решить Томский Комитет по оказанию помощи беженцам. В конце 1915 г. Комитетом была разработана программа регистрации и учета беженцев, по некоторым пунктам которой надлежало предоставлять регулярные сводки. Одним из таких пунктов были «сведения о профессиональном составе беженцев с выделением из них количества лиц, трудоспособных в данный момент, и из среды трудоспособных – количества лиц, желающих получить работу»¹.

Сводка предоставлялась по понедельно и помесячно. Информация бралась из специальных карточек для регистрации беженцев, где была графа о профессии, и ежедневно заносилась в специальные листы. Лист имел заголовок – наименование профессии, а под ним записывались номера карточек тех семейств, в которых имелись лица данной профессии с указанием степени их трудоспособности и желания работать². Если беженец находил работу или выходил из ведения Комитета, то номер его регистрационной карточки вычеркивался из листа. На основе сведений из подобных листов ежедневно предлагалось составлять ведомости. Таким способом велся учет предложения труда.

Учет спроса на труд беженцев велся тоже по определенной форме, включающей семь пунктов:

1. Номер по порядку.
2. Месяц и число.
3. Фамилия, имя, отчество и адрес (по возможности – звание и социальное положение) желающих нанять служащих и рабочих.
4. Какого пола, возраста, профессии или специальности требуется служащий.
5. На какие условия приглашается.
6. Кто и когда послан к работодателю.
7. Поступил ли посланный на службу и если да, то на какие условия.

Вся эта информация должна была заноситься в книгу или специальные листы, «скрепляемые автоматическим регистратором». В Томском Комитете предпочли листы, так как сведения о спросе на труд беженцев собирались в разных местах, и ежедневно эти листы доставлялись в регистрационное бюро при Комитете³.

Отправляемый к работодателю беженец получал на руки ордер-справку. На лицевой стороне, которая являлась ордером, проставлялись номер и дата ордера, номер и дата требования на служащего, фамилия, имя, отчество беженца, к кому и куда он направлен и на какую службу (род занятия). Внизу ставилась подпись заведующего бюро. Обратная сторона – справка – включала также фамилию, имя отчество беженца, на какую службу он принят и на какие условия. Если он отказался от работы, то по каким причинам. Внизу ставилась подпись работодателя и дата. Ордер-справка после заполнения работодателем подлежал возвращению в Комитет для учета устроенных беженцев. Все выданные ордера учитывались в специальной книге⁴.

После получения работы беженец должен был обратиться в Комитет за получением своего документа (книжка или билет беженца). Сведения о трудоустройстве или отказе от работы также должны были вноситься в регистрационную карточку беженца. Если беженец по каким-либо причинам выбывал из ведения Комитета, то на его документе проставлялся штамп о выбытии с указанием его даты, количества выданных пайков и пособия, о трудоустройстве (где и на какую должность) или его отсутствии («выбыл неустроенным»).

Несмотря на разработку достаточно четкой системы, проблемы с эффективным трудоустройством беженцев все равно оставались, во многом из-за несоблюдения самой Программы регистрации как работниками бюро, так и беженцами. Первые часто не справлялись с большим потоком беженцев и поэтому записывали только самые необходимые сведения о их семьях. Во многих архивных источниках, среди которых были найдены карточки, билеты или книжки беженцев, сведения о трудоустройстве не были записаны, тем более не было информации, которая позволила бы проследить сам процесс поиска беженцем работы. В некоторых карточках не было и записи о профессии или роде занятия беженца и степени его трудоспособности.

Достаточно оставалось и незарегистрированных беженцев. Либо у них отсутствовали документы и было проблематично доказать статус беженца, либо они не знали о необходимости регистрации. О последнем говорит и тот факт, что сам Комитет предлагал распространять листовки, плакаты с воззваниями и обращениями к беженцам о необходимости явиться для регистрации. Обращение было адресовано и к гражданам, и учреждениям не оказывать какую-либо помощь лицам, не имеющим в документах регистрационной отметки Комитета, для предотвращения случаев злоупотребления «добрыми чувствами населения разными лицами, именующими себя беженцами»⁵.

Кроме того, положения разработанной Комитетом «Программы и техники регистрации беженцев» носили все же рекомендательный характер и действовали до тех пор, пока действовал сам Комитет, т.е. до

¹ Программа и техника регистрации беженцев в Томске. Томск, 1915. С. 8 // ГАТО. Ф.-7. Оп. 1. Д. 52. Л. 8.

² Там же.

³ ГАТО. Ф.-7. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

⁴ Программа и техника регистрации... С. 11 // ГАТО. Ф.-7. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

⁵ Там же. С. 15. // ГАТО. Ф.-7. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

1917–1918 гг. Эти положения были разработаны для Томской губернии и в других регионах страны не применялись, отсутствие единой системы также снижало эффективность в деле оказания помощи беженцам, в том числе и в вопросе их трудоустройства.

Н.А. Забуга

Пермский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА 1917 г.

Вплоть до настоящего времени проблема определения социальной природы рабочих Пермской губ. остается до конца не проясненной. Она во многом связана с различием в подходах к определению социально-экономической природы уральской промышленности. В зависимости от акцентирования ее капиталистической сущности или переходного характера горнозаводской рабочей Урала рассматривается либо как пролетарий¹, либо как «полурабочий-полукрестьянин»². Если его определять по социальному облику, то рабочий – домохозяин³.

Особая комиссия по исследованию причин падения производительности в Кизеловских копиях в отчетах впервые представила информацию о составе горнозаводских рабочих Пермской губ. на период январь – апрель 1917 г.⁴ Это военнопленные, военнообязанные, китайцы, русские и татары вольные, арестованные, киргизы, а с марта упоминаются солдаты. Состав отличается поликультурностью: большинство из общего количества работников составляют китайцы, русские, татары, киргизы. Специально выделяются вольные рабочие русские и татары.

Во многом подобное положение связано с тем, что в апреле 1917 г. рабочие, согласно воззванию Родзянки, отправлялись на обработку полей. Но солдат запрещалось отпускать на полевые работы. При этом «исключительно плохая работа военнопленных», эвакуация каторжан и нежелание работать киргизов⁵.

Сущность понятия «горнозаводские рабочие» с опорой на специфические черты социальной группы раскрывает определение Н.Н. Алеврас. Горнозаводские рабочие как *составная часть горнозаводского населения, эта особая сословная группа, созданная государственной властью для обслуживания уральской металлургии, социальная психология которых определялась традициями крестьянской среды, влиянием ближайшего социального окружения, сословной принадлежностью и порядками горноокружной системы. Поэтому отличалась патриархальностью, инертностью психологии и поведения в начале XX в.*⁶

К 1917 г. сохранилось множество сословных различий в правах и обязанностях рабочих казенных, частновладельческих, посессионных заводов. Эти категории обусловлены спецификой формирования горнозаводских рабочих из горнозаводского населения, для которого было традиционно административное регламентирование трудовых отношений⁷.

Сохранение полуфеодальной системы горнозаводских округов придавало особое значение *ведомственным различиям внутри рабочего социума*, которые стали границей его деления.

*Рабочие казенных горнозаводских округов, представляющие собой устойчивую социальную группу в психологическом и политическом плане. Чему способствовали система социальной защиты, сносный заработок, превращение их в юридических собственников земельных участков*⁸.

К рабочим казенных заводов относится до 50 тыс. чел. Из них 35 тыс. рабочих основных цехов и 6 тыс. – транспортных и энергетических, т.е. 40% от числа вспомогательных заводских тружеников. Их можно сравнить с пролетариатом основных промышленных центров по условиям и оплате труда. Однако формирование типичных классовых признаков затруднялось землепользованием большинства представителей этой категории рабочих⁹.

В отдельную группу включаем *рабочих частных и посессионных округов*. Внутри ее выделяется массив заводских рабочих. Здесь в наличие слой кадровых потомственных пролетариев. Доминирование

¹ Быстрых Ф.П. Формирование промышленного пролетариата на Урале // Материалы научной сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск, 1963.

² Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX века: специфика промышленной субкультуры // Урал в 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 165–174.

³ Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003. С. 24.

⁴ Материалы к вопросу о падении производительности на заводах // Пермская жизнь. 1917. 5 авг. С. 2.

⁵ ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 35. Л. 87.

⁶ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале. Челябинск, 1996. С. 6–7.

⁷ Коробков Ю.Д. Указ. соч. С. 23.

⁸ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала в 1900–1941 гг. Екатеринбург, 2006. С. 54.

⁹ Там же. С. 55.